

Ларчики

Люблю – и не могу молчать!
Ломаю первую печать,
Чтоб всё постигнуть сразу.
Хоть знаю: на свою беду
В «Ларце забвения» найду
Не бриллианты – стразы.

Печать ломаю номер два.
В «Ларце общения» слова
Простого заклинанья:
«Хочу я счастья и любви!»
Но нет. Зови иль не зови –
Вновь разочарованье!

Всё вздор! И что тогда взамен?
Жизнь – скукота без перемен,
Томленье без опаски?
А может, взрыв – и воспарим?
Мне никогда не быть таким
Зулусом на Аляске.

И что тогда любовь моя?
Когда есть дети и семья,
И все дорожки кривы?
Плыви без курса и руля,
Чертей без меры веселя.
И нет альтернативы.

За розовыми далями вселенной
Простёрся мир, похожий на кино.
Он весь «не наш», он необыкновенный.
Однако жить в нём нам не суждено.

В зелёных солнца золотые искры.
А средь стволов везде лиловый мак.
Струится конь, малиновый и быстрый,
Которого нельзя догнать никак!

Сон или явь? Нет, далеко от яви.
В расцветке попугайского крыла
Мы этот скучный, серый мир оставим,
Идём туда! Вот только жизнь мала.

А с буднями она мала, тем паче.
Ведь нам без будней жизни нет опричь.
Беги бегом, лети, или иначе,
Но розовой мечты нам не достичь!

И каждый шаг неискренен, бездарен,
Поскольку тёплый предпочли уют,
Божественным пионам благодарен:
Мечты частичку нам они дают.

Октябрь

Как мокро и мерзко
на улице стало!
А лето успело остыть.
Дырявая лодка
стоит у причала,
но только в ней некому плыть!

Октябрь-холостяк
чистоплотен не очень.
Завалы гниющей листвы.
Прогноз на грядущее
слишком не точен:
проблем нынче сверх головы.

Стихи не идут,
и строка не поётся.
За что нам теперь воевать?
И шпиль Петропавловки:
им не придётся
прорехи в судьбе зашивать.

Надежды, мечты...
Хоть и сделано мало,
но прошлое не позабыть.
Всё та же лодчонка
стоит у причала.
Да только в ней незачем плыть...

Скелеты в шкафу

Жизнь прожить – не поле перейти,
Много разных разностей в пути.
Уверять готов я каждый час:
У меня грехов в помине нету!
Только, как у всякого из нас,
Могут быть в шкафу свои скелеты.
Ты не среагируешь никак,
Дверь открыл – и вот вам воскрешенье!
Валится в объятия костяк –
Дней давно прошедших прегрешенья.

Мало милосердия, любви,
Много равнодушия и злобы.
Тут хоть сто святых к себе зови,
Помогли б тебе спастись чтобы.
Только Он единственный милосерд,
Без Него пути к спасенью нет.

Канун зимы

Всё было: ветер сосенный,
Лазурь и бирюза.
И медногривой осени
Прощальная слеза.
Но вот всегда доукою
Нам кажется досуг!
И вновь предзимней скукою
Повеяло вокруг.
Ну кто там плачет-кается
В забытой борозде?
...А зори не купаются
В серебряной воде...
Безлистный лес зарёванный
– В нём птичий шум замолк –
Морозцем лёгким скованный,
Какой в нём сыщешь толк?
Куда ж он ныне денется?
Приговорён: покой.
...И мрак вселенский сменится
Веснежем и тоской...

31 Мая

Дела? Какие могут быть дела?
Когда нет силы даже на делишки?

И рукопись, что посреди стола,
Возможно, никогда не станет книжкой!
А всё ж, поскольку несмотря на это,
Дозволено писать. И пишешь ты.
Хотя в цветах завядшего букета
Не много прелести и красоты.
Жалеть себя, винить себя нет смысла.
Прошедшего уже не воротить.
Как туча, неисполненность зависла,
Но надо дальше верить и творить.
Не нужно ждать признанья и награды,
Хоть пройдена ещё одна ступень.
Прошла весна. И сердце лету радо.
И снова распускается сирень...

* * *

Ещё вчера был день – белей бумаги
И до калитки – материнский след.
Пурга лизала склянки на столе,
Как раны зверь в заснеженном овраге.
Ещё вчера был сумрак, точно пепел –
Не разгребёшь руками.
Вязкий ил
Всю комнату до матиц затопил,
Весь старый наш домишко на прилепе.
Но поутру рассыпались виденья,
И солнце, точно пушечный заряд,
В стекле взорвалось, тьму переборя,
Всевластно объявив весны рожденье.
И к чопорной зиме пришла хвороба.
Как за полдень свернуло на припёк.
...И в ёлочку струился ручеёк
Из-под сомлевшего сугроба.